

ГЕНДЕРНО-МАРКИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА В СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО НАПРЯЖЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЬЕСЫ А. П. ЧЕХОВА «МЕДВЕДЬ»)

Ю. О. Поплавская

В статье рассматривается гендерно-маркированная лексика персонажей художественной литературы, особенности ее проявления в тексте и влияние на характеристику героев произведения. В качестве материала исследования используется пьеса (шутка в одном действии) «Медведь» А. П. Чехова.

Данное исследование, проведенное на материале пьесы А. П. Чехова «Медведь», представляет собой попытку выделить и проанализировать гендерные особенности лексики мужских и женских персонажей, находящихся в эмоциональном напряжении.

Главная героиня этого произведения – помещица Попова – демонстрирует модель речевого поведения, соответствующую ее гендерной роли. Так, в ее речи, особенно в момент эмоциональных всплесков, присутствуют аффективные прилагательные: *Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце.*

Е. Г. Никулина отмечает, что «в ситуациях аффекта прилагательные способны получать субъективно-оценочные значения... Семантика слова становится менее определенной... Прилагательное становится приложимым к более широкому кругу понятий» [6, с. 60]. Так, кроме своего прямого значения ‘неимущий’ [7], лексема *бедный* приобретает в контексте пьесы значение ‘страдающий, несчастный’. Прилагательные *лучший* и *бессовестный* с усилением *самый* в речи Поповой используются не для передачи денотативной информации, а для определения своего эмоционального отношения к умершему супругу: *Этот лучший из мужчин самым бессовестным образом обманывал меня на каждом шагу!*

В речи Поповой можно также встретить слова-интенсификаторы, которые помогают выявить высокую степень какого-либо признака [3, с. 138]. Эта высокая степень может содержаться в самом слове: *Я любила его страстно, всем своим существом, как может любить только молодая, мыслящая женщина...*

Часто высокая степень признака выражается сочетанием с интенсификаторами *так, сколько, как, какой* и т. д.: *Он так любил Тоби!; Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал возжжи!; Как тяжелы эти люди!*

Попова прибегает к усилению перечисленных признаков в ситуации печального воспоминания об умершем муже, раздражения и недовольства, что соответствует предписанной ей гендерной роли. В то же время слова-интенсификаторы редко встречаются в речи помещика Смирнова, лишь в момент восхищения Поповой: *Боже, какая женщина! Никогда в жизни не видал ничего подобного! Пропал! Погиб! Попал в мышеловку, как мышь!; Я люблю вас! (Становится на колени.) Люблю, как никогда не любил!*

Женскому речевому поведению свойственна неуверенность в высказывании собственного мнения, что имплицитно разделяется вопросами: *Я дала себе клятву до самой могилы не снимать этого траура и не видеть света... Слышишь? Пусть тень его видит, как я люблю его...*

Данная особенность проявляется в речи помещицы в моменты восхищения покойным мужем (*Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал вожжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса...*), грусти и печали (*Любовь моя угаснет вместе со мною, когда перестанет биться мое бедное сердце. (Смеется, сквозь слезы.) И тебе не совестно? Я паинька, верная женка, заперла себя на замок и буду верна тебе до могилы, а ты... и тебе не совестно, бутуз?*), раздражения, гнева (*Да, оскорбляю... ну, так что же? Вы думаете, я вас боюсь?*).

В противоположность приведенным примерам речевое поведение Смирнова – отставного военного – характеризуется уверенностью, настойчивостью, стремлением действовать. Неуверенность, как признак сильного волнения, проявляется в ситуации, когда помещик признается в своей симпатии к Поповой: *Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? (Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.) Черт знает, какая у вас ломкая мебель! Вы мне нравитесь! Понимаете? Я... я почти влюблен!*

Кроме того, гендерно маркированными выступают аллегоричность, двусмысленность высказывания, которые характерны именно для женского речевого поведения. Аллегоричность женской речи заключается в употреблении участниками коммуникации высказываний, которые, обладая подтекстом, скрытым смыслом, могут быть поняты весьма специфично применительно к конкретной ситуации [5, с. 72]: *Он [покойный муж] так любил Тоби! Он всегда ездил на нем к Корчагиным и Власовым. Как он чудно правил! Сколько грации было в его фигуре, когда он изо всей силы натягивал вожжи! Помнишь? Тоби, Тоби! Прикажи дать ему сегодня лишнюю осьмушку овса.*

В приведенном контексте забота о лошади воплощает в себе память о покойном муже и верность ему «до гробовой доски». Данное

предположение подтверждается последней фразой, произнесенной Поповой после поцелуя со Смирновым: *Попова (опустив глаза). Лука, скажешь там, на конюшне, чтобы сегодня Тоби вовсе не давали овса.* Приведенная реплика не только демонстрирует смущенное волнение Поповой, но и довольно явно, если учитывать аллегорический подтекст, дает понять, что траур вдовы по покойному мужу завершился.

При исследовании гендерно маркированной художественной речи «есть основания говорить о лексической многословности женщин, их известной склонности к продолжительному говорению. В целом многословие является устойчивой универсальной характеристикой женского речевого поведения...» [5, с. 72]. В пьесе А. П. Чехова «Медведь» женское многословие проявлено, например, в эпизоде, когда помещица Попова вступает в горячий спор со Смирновым. Монолог героини насыщен репликами высокой степени проявления эмоций (*самый лучший, страстно, всем своим существом, дышала им, молилась на него, лучший из мужчин, самым бессовестным образом, ужасно вспомнить* и др.). Кроме того, Попова использует сравнение (*молилась на него, как язычница*), эвфемизмы (*погребла себя в четырех стенах*) для усиления экспрессивного эффекта.

Данные аспекты отличают женскую речь от мужской, более скупой и сдержанной в выражении эмоций и чувств. Тем не менее Смирнов прибегает к нормативному выражению эмоций, что случается с ним в минуты крайнего эмоционального напряжения: *Ах, как я зол! Так зол, что, кажется, весь свет стер бы в порошок... Даже дурно делается...; Сошел с ума, влюбился, как мальчишка, как дурак! (Хватает ее за руку, она вскрикивает от боли.) Я люблю вас! (Становится на колени.) Люблю, как никогда не любил!*

При этом Смирнов иногда использует в речи междометия, восклицания, что может характеризовать его в качестве вспыльчивого и эмоционального персонажа: *Как я зол сегодня, как я зол! От злости все поджилки трясутся и дух захватило... Фуй, боже мой, даже дурно делается!; Брр!.. Даже мороз по коже дерет – до такой степени разозлил меня этот шлейф! Стоит мне хотя бы издали увидеть поэтическое создание, как у меня от злости в икрах начинаются судороги. Просто хоть караул кричи.*

Кроме того, в эмоционально напряженной ситуации Смирнов довольно часто прибегает к использованию вульгаризмов для выказывания своего недовольства: *Болван, любишь много разговаривать... Осел!; Я приехал не к приказчику, а к вам! На кой леший, извините за выражение, сдался мне ваш приказчик!; Скажешь там на конюшне, чтобы овса дали лошадям! Опять у тебя, скотина, левая пристяжная запуталась в вожжю!*

Вульгаризм определяется как «грубое выражение, или такое

выражение, которое употребляется только в разговорной речи и особенно в речи некультурных и необразованных людей» [2, с. 101]. Отечественные ученые отмечают, что «под вульгаризмами понимают слова и выражения, которые не принято употреблять в обществе вследствие их грубости или непристойности» [7, с. 117]. А. Б. Барунов, ссылаясь на И. Р. Гальперина, считает, что «целесообразнее термин *вульгаризм* закрепить лишь за определенной группой слов и фразеологизмов, объединенных одним ведущим, наиболее характерным признаком. Этим признаком будет та степень грубости, которая граничит с непристойностью» [1, с. 15]. В контексте приведенного определения вульгаризмов представляется возможным отнести к ним грубые слова из следующего отрывка речи Смирнова: *Ни одна каналья не платит! А всё оттого, что я слишком их избаловал, что я нюня, тряпка, баба! Слишком я с ними деликатен!; Разлимонился, рассиропился, раскис... стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку... Стыд, срам! Пять лет не влюблялся, дал себе зарок, и вдруг втюрился, как оглобля в чужой кузов!*

Употребляемые Смирновым для характеристики женщины лексемы (*ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки*) обладают сниженной эмоционально-стилистической окраской, что однозначно демонстрирует отношение Смирнова к женщинам как к крокодилу, который умеет хныкать и распускать нюни. Сама же Попова в порыве гнева также прибегает к оскорблениям Смирнова, но использует при этом лексические единицы с более мягкой оскорбительной семантикой (*медведь, бурбон, монстр, мужик*): *Попова (стараясь перекричать). Медведь! Медведь! Медведь!; Попова (сжимая кулаки и топая ногами). Вы мужик! Грубый медведь! Бурбон! Монстр!*

Явное пренебрежение можно увидеть и в следующих примерах, когда раздосадованный Смирнов спорит с Поповой: *Не кричите, пожалуйста, я вам не приказчик! Позвольте мне называть вещи настоящими их именами. Я не женщина и привык высказывать свое мнение прямо! Не извольте же кричать!; А вы думаете, что если вы поэтическое создание, то имеете право оскорблять безнаказанно? Да? К барьеру!; Пора, наконец, отрешиться от предрассудка, что только одни мужчины обязаны платить за оскорбления! Равноправность так равноправность, черт возьми! К барьеру!*

В последней приведенной фразе Смирнова присутствует ругательство-императив *черт возьми!* Необходимо отметить, что подобные конструкты в целом характерны для мужского речевого поведения. Употребление подобных высказываний в определенной мере оправдывается эмоциональным состоянием субъекта речи – гневом, злостью, раздражением, нетерпением [5, с. 104]. Обычными в мужской речи являются императивные конструкции, имплицитно выражающие

модальное значение желательности и включающие в свой состав, с одной стороны, субъект действия (номинации *черт, зараза, холера, лихоманка* и т. п., восходящие к словам-мифонимам – воплощениям нечистой силы), а с другой – глагол в форме императива, обозначающий активное действие [Там же]. Приведем примеры из речи Смирнова: *Измучился, как собака, ночевал **черт знает где** – в жидовской корчме около водочного бочонка...; Ну, у вас муж умер, настроение там и всякие фокусы... приказчик куда-то уехал, **черт его возьми**, а мне что прикажете делать?; Узнаете вы меня! Я не позволю шутить с собою, **черт возьми!**; Ну, да разве я виноват, что вы мне нравитесь? (Хватается за спинку стула, стул трещит и ломается.) **Черт знает**, какая у вас ломкая мебель!*

В состоянии крайнего возмущения грубым и неуважительным поведением Смирнова, главная героиня пьесы-шутки также использует ругательства-императивы: *Сию минуту! После мужа остались пистолеты... Я сейчас принесу их сюда... (Торопливо идет и возвращается.) С каким наслаждением я влеплю пулю в ваш медный лоб! **Черт вас возьми!** (Уходит).* Данный пример является единичным и служит показателем крайней эмоциональной напряженности, в которой пребывает Попова в конце разговора со Смирновым.

Таким образом, персонажи пьесы «Медведь» А. П. Чехова Попова и Смирнов довольно ярко отражают женскую и мужскую модели речевого поведения соответственно. Если Попову характеризует аллегоричность, мягкость, иносказательность и некоторая неуверенность эмоциональных высказываний, то речь Смирнова отличается грубостью, вульгарностью, пренебрежительностью и настойчивостью высказываний. Наибольшую свою проявленность данные аспекты получают в ситуациях эмоционального напряжения, когда контроль над выражением мыслей в той или иной степени ослабевает, что позволяет проявиться сформированным социально-культурным моделям поведения.

Список использованных источников

1. Барунов, А. Б. Функции слов сниженного стилистического тона в художественной литературе (на материале современных американских романов) / А. Б. Барунов // LINGUA MOBILIS. – 2011. – № 6 (32). – С. 12–17.
2. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
3. Ермакова, О. П. Интенсификаторы и деинтенсификаторы в контексте иронии / О. П. Ермакова // Жанры речи. – 2016. – № 1 (13). – С. 137–141.
4. Кирилина, А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А. В. Кирилина; Моск. гос. лингвистич. ун-т. – М., 2000. – 40 с.

5. Коваль, В. И. Язык и текст в аспекте гендерной лингвистики : монография / В. И. Коваль; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2007. – 210 с.

6. Никулина, Е. Г. Участие эмоционально-оценочных прилагательных в формировании аффективных диалогических структур / Е. Г. Никулина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 1. – С. 60–63.

7. Мороховский, А. Н. Стилистика английского языка / А. Н. Мороховский, О. П. Воробьева, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко. – Киев : Вища школа, 1984. – 241 с.

The article discusses the gender-marked vocabulary of characters of fiction, features of its manifestation in the text and the impact on the characteristics of the heroes of the work. The play (joke in one act) “The Bear” by A. Chekhov.

УДК 811.161.1:[61:378–057.875]

СПЕЦИФИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО АНГЛОГОВОРЯЩИМ СТУДЕНТАМ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ

А. В. Портнова-Шаховская

Статья рассматривает особенности организации в соответствии с новым стандартом по специальности «Лечебное дело» учебного процесса по дисциплине «Русский язык как иностранный» для студентов первого курса медицинского вуза, изучающих клинические дисциплины на английском языке. Иллюстративный материал статьи основан на личных наблюдениях автора.

Современная система образования устанавливает личностные (готовность и способность обучающихся к саморазвитию), предметные (освоенный обучающимися в ходе изучения учебного предмета опыт по получению нового знания, его преобразованию и применению) и метапредметные (универсальные, т. е. познавательные, регулятивные и коммуникативные, учебные действия) требования к результатам обучения. Так, в процессе обучения языку как иностранному преподаватель должен создать условия для приобретения учащимися начальных навыков общения в устной и письменной форме на основе имеющихся речевых возможностей и потребностей; для освоения лингвистических представлений и расширения лингвистического кругозора; для формирования толерантности к носителям языка.

Принципиальным отличием нового стандарта по специальности «Лечебное дело» от предыдущих является увеличение доли практической